

Л. А. ТИХОМИРОВ

<Ислам>

ГЛАВА XXXVI
Пророк ислама

Через шесть столетий по возникновении христианства из Аравии, дотоле не проявлявшей способности к мировой роли, вышло новое учение, полное такого внутреннего напряжения, что оно некоторое время угрожало совершенно поглотить страны, заселенные исповедниками наиболее могущественных религиозных систем — христианами, иудеями, персами и индуистами. Это было учение Магомета — ислам, развившее свои силы с быстротой, неведомой до тех пор ни одной религии, хотя, в конце концов, его влияние на умы человечества далеко не соответствовало этой первоначальной кажущейся силе.

Ислам до некоторой степени может быть рассматриваем как учение синкретическое, так как он сложился из влияний еврейских, христианских и местно-арабских, к которым впоследствии добавились влияния персидские и индусские. Однако религиозная концепция Магомета должна быть признана все-таки оригинальной, так как он развил местную арабскую идею Аллаха в таком виде, который не совпадает ни с еврейским, ни с христианским представлением об отношении Божества к человечеству, не говоря уже о представлениях индуистских.

Арабское племя сложилось из элементов не вполне однородных. Часть арабов, населявшая пустыни, считала себя потомками Измаила, сына Авраама и Агари. Жители Йемена, наиболее плодородной и цивилизованной части полуострова, считались кахтамитами, потомками библейского Иоктана.

Арабы времен Магомета, особенно измаилиты-бедуины, находились на очень низком уровне религиозного развития, спустившегося до анимистического и фетишического характера. Они поклонялись различным мелким божествам, между прочим, трем

дочерям Аллаха, то есть Бога, существо которого было для арабов очень неясно, хотя все-таки понятие Аллаха выражало у них идею Бога по преимуществу. Культ Аллаха был очень распространен, и храмом его служила Кааба (в Мекке) с известным черным камнем (может быть, аэролитом). Сюда стекались на поклонение все арабские племена на праздник Хадж, время которого было обязательным для всех племен перемирием. Это был именно праздник Аллаха, идею которого и развил Магомет.

Из внеарабских влияний на полуострове было особенно сильно еврейское. Христианство проникало по преимуществу в виде еретических сект. В южной Аравии были сношения с Абиссинией. Что касается евреев — их колонии известны в Аравии с незапамятных времен. Предания относят чуть не к эпохе Иисуса Навина появление евреев в Аравии. Во время разрушения Иерусалимского Храма евреи в большом количестве бежали в Аравию. Сюда же укрылись беглецы зелоты после разрушения Иерусалима римлянами. Еврейская колонизация, особенно сильная на севере, проникала до Йемена. В северной Аравии евреи жили независимыми племенами, усвоившими пастушеский образ жизни. Им, между прочим, долго, до самого 530 г., принадлежала Медина, называвшаяся Ятриб (или Ясриб). Только незадолго до рождения Магомета, в 535 г., еврейские ятрибские племена принуждены были дать место также нескольким арабским племенам, с которыми жили, впрочем, федеративно, на равных правах. Ятриб был центром еврейской учености в Аравии, здесь имелась высшая раввинская школа, иногда называемая академией. Совершенно усвоив образ жизни арабов и знание их языка, аравийские евреи, однако, сохранили свою веру и распространяли ее между арабами, на которых вообще имели большое культурное влияние. Хотя арабская азбука происходит не от еврейской, но календарь здесь введен евреями.

Влиянию евреев способствовала близость языка и общность происхождения. Евреи усердно поддерживали между арабами идею об общем происхождении от Авраама, хотя от различных матерей (Г. Грец. История евреев. Т. I. С. 73–100).

Обрезание арабы имели еще во времена язычества. В южной Аравии царь Йемена Абу Кериб с частью народа в 500 г. принял еврейскую веру, которая оставалась господствующей до 530 г., когда вследствие жалоб христиан, притесняемых евреями, абиссинский негус завоевал эту страну и уничтожил господство евреев.

В общей сложности в Аравии можно было встретить и примитивное язычество, и иудейство Моисеево, и еврейские мистические

учения, и христианство, хотя характера сектантского, и много влияний мистики сирийской, египетской и греческой. Магомет, много путешествовавший по торговым делам, легко мог ознакомиться с этими различными религиозными воззрениями. Однако сам он был, во всяком случае, кровный араб из племени корейшитов.

Магомет родился в Мекке, религиозном центре культа Аллаха, в 570 г. Его отец Абдулла был сын Абдаль Муталиба из семьи Хашим. Мать Магомета Амина, дочь Вахба из семьи Зухра, была также арабка, хотя, по преданию, она родом из Ятриба, то есть местности сильно еврейзированной. Происходя от бедных родителей, он сделался приказчиком богатой вдовы, арабки Хадиджи, по делам которой много разъезжал и на которой потом женился, когда ему было 24 года, а ей 39. Двоюродный брат Хадиджи Варак ибн Науфал, по Грецу, принял еврейскую веру и умел читать по-еврейски. А. Мюллер называет его «христианином с оттенком эвионизма» (А. Мюллер. История ислама с основания до новейшего времени. СПб., 1895. Т. I. С. 55–57).

Разницы тут большой нет, так как эвиониты, или «иудействующие христиане», — это была еретическая секта, соблюдавшая обрезание и весь Закон иудейский. Спасителя они считали сыном не Божиим, а Иосифа и Марии, обыкновенным человеком, только освященным Св. Духом. Из книг Нового Завета они признавали только Евангелие от Матфея и состояли по племени исключительно из евреев. Таким образом, Варака ибн Науфал мог лишь спутать понятия Магомета о христианстве. Что касается евреев, сношения с ними Магомета были первоначально очень тесны. Помощники его Абдалла ибн Салам и Мухнарик были евреи и соблюдали весь Закон. Некоторое время у него был секретарь еврей, который вел всю его переписку. Сам Магомет не знал никакой грамоты, ни арабской, ни еврейской. Относительно же своего учения считал, что он лишь восстанавливает чистую веру Авраама, которую исказили евреи, как они исказили и Писание. Первоначально Магомет был уверен, что евреи присоединятся к его учению, евреи же в свою очередь полагали, что он делается просто еврейским прозелитом и поддержит их власть в Аравии. О христианстве Магомет имел еще более смутные понятия, чем о еврействе. По безграмотности он не мог знать ни Ветхого, ни Нового Завета иначе как по наслышке. Согласно с эвионитами, он признавал Спасителя пророком, но отрицал его божественность и утверждал, что христиане извратили не только Писание, но и учение самого Иисуса Христа. Все такие смелые решения Магомет делал не на основании каких-нибудь научных

знаний, которых не имел, а на основании своих непосредственных вдохновений. Он искал религиозную истину, и в связи с эпилепсией, которую, по-видимому, страдал (по словам родных Магомета, его иногда охватывала сильная дрожь, за которой следовал род обморока, сопровождаемого конвульсиями, причем со лба его струился пот, и он лежал, закрыв глаза, с пеной у рта, крича, «как Молодой верблюд». Г. Саблуков. Сведения о Коране, законоположительной книге Мохаммеданского вероучения. Казань: Университетская типогр., 1884, С. 181), он впадал в экстаз, во время которого видел небесные сферы, разговаривал с пророками и самим Аллахом. В знаменитейшем видении своем, так называемом «восхождении на небо», с архангелом Гавриилом, на волшебном коне Альбораке Магомет прошел семь небес, на которых видел Адама, Иисуса Христа, Иосифа, Эноха, Аарона, Моисея, Авраама. Дальше седьмого неба Архангел Гавриил уже не мог идти, но Магомет один поднялся до самого Престола Аллаха и видел на престоле надпись «Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет Посланник Его» (Там же. С. 190–203).

Получая таким образом знание истины из прямых источников, Магомет считал и объявлял ложью все, что не согласно с его видениями.

Поэтому Магомет скоро разошелся с евреями. Начало борьбе положили сами евреи, потому что, убедившись в его полном невежестве в Священном Писании и в том, что он отнюдь не хочет идти за ними, а рассчитывает их увлечь за собой, — они начали подрывать его проповедь и его авторитет среди арабов. Он, в свою очередь, объявил их безбожниками и начал против них жестокую войну, насильственно обращая их в ислам. В конце концов отношения дошли до полной ненависти. Пленная еврейка Циннов, или Зенобия, пыталась даже отравить Магомета, и не совсем безуспешно, потому что хотя Магомет успел выплюнуть отравленный кусок, однако яд несколько подействовал, и Магомет стал хворать, через два-три года (в 632 г.) умер. Несмотря на полное искоренение еврейских племен в Ятрибе, Хайбере и других местах и насильственное обращение их в ислам, «остатки евреев, — говорит Грец, — не отказывались от надежды избавиться от врага. Они заводили крамолы и действовали сообща с недовольными арабами». Когда Магомет умер, «евреи Аравии с справедливым (?) злорадством, — говорит Грец, — узнали о его смерти» (Г. Грец. История евреев. Т. 1. С. 120).

Как бы то ни было, разорвавши с иудейством и обманув все его надежды, Магомет стал национальным арабским пророком и политическим деятелем.

ГЛАВА XXXVII

Основной характер ислама

Вероучение Магомета очень скоро по его смерти подверглось чуждым влияниям, пропитавшись ими до такой степени, что только символическое толкование Корана способно было совмещать их с действительным учением пророка. Но основное учение Магомета было чрезвычайно просто, деловито и материалистично даже в описаниях небесных сфер. Оно отразило арабский дух, не склонный к мистическим настроениям и концепциям. Предназначенное своим основателем ко всемирному распространению, это учение, будучи бедным своим внутренним содержанием, делало ислам безоружным при контакте с более глубокими религиозными учениями.

В создании ислама Магомет сделал огромный шаг назад, в глубину прошлых тысячелетий, и в этом резко отличается от христианства и иудейства. Он задался целью восстановить древнюю веру Авраама, отбросив весь ряд тысячелетий, в которые совершалось дальнейшее развитие веры Авраамовой. Иудейство само исходило из веры Авраама, но не остановилось на ней. Оно дополнило ее Законом Моисея, вдохновениями пророков, обширными толкованиями ученых раввинов, признанием за «преданием» равносильности с законом, наконец, искусственным чтением Писания, дозволявшим вкладывать в его букву почти какой угодно смысл. Таким путем еврейство создало сложную веру, в которой, при кажущемся строгом подчинении букве закона, почти эмансипировалось от него посредством «толкований», имеющих целью определить точный юридический смысл закона. Посредством же искусственного чтения Писания еврейство внесло в свою веру даже концепции языческой философии в тайных учениях Каббалы.

Не менее иудеев и христианство признавало своим исходным пунктом веру Авраамову, признавало и Закон Моисея. Но, не отвергая Закона, христианство упразднило его посредством «исполнения». Оно обнаружило под буквой закона его дух, поставило религиозной задачей исполнение духа закона и тем самым сделало уже не нужным исполнение буквы его. Таким образом, как христианство, так и иудейство, признавая веру Авраама за свою собственную, не остановились на ней, а пошли дальше по пути развития религиозного сознания и религиозной жизни. Идея Магомета, в резкое отличие от этого, отвергла всю работу религиозного сознания в течение пяти тысячелетий и поставила целью возвращение к вере Авраама.

По цели — это было движение неразвитого ума назад, к первобытности, к первым проблескам истинной веры. Фактически это было даже неисполнимо вследствие того, что вера Авраамова известна (по Писанию) лишь в самых общих чертах. Но такая цель ставила Магомета на национально-арабскую почву. О вере Авраама ему приходилось искать сведений в преданиях арабов, потомков сына Авраама, Измаила, и в непосредственных вдохновениях и откровениях самого Магомета. К вере Авраама в единого Бога (нет Бога, кроме Бога) он прибавил пояснительное заявление — «и Магомет — Пророк Его».

Таким образом, вероучение Магомета становилось самостоятельным и своеобразно арабским. «Из тесных границ христианско-иудейской секты (каким было вначале учение Магомета) — ислам сразу высвобождается в национальную религию арабского народа», — говорит А. Мюллер (А. Мюллер. История ислама. Т. I. С. 117).

Самый язык религии в исламе становится арабским. Магомет диктовал свои вдохновения, говорит предание, на семи арабских наречиях, и лишь халиф Осман, которому принадлежит редакция Корана, изложил его на наречии корейшитов. Доселе мусульмане считают, что понимать Коран можно, лишь читая его по-арабски, и относятся пренебрежительно к переводам его.

Знание арабского языка стало, таким образом, необходимо для всех народов мусульманского мира, и это сделало арабский язык общелитературным и научным для многовековой литературы. С этим и общий дух арабский получил влияние на огромные области Азии, Африки и даже Европы. Вообще, благодаря Магомету и исламу арабы на несколько веков стали влиятельным членом мировой культуры.

Но если Магомет сделался национальным арабским деятелем и в религиозном отношении создал культ Аллаха — Бога своего родного города Мекки, — для уяснения его идеи углубляясь в арабские предания и вдохновения своего арабского духа, то это не значит, чтобы он был простым компилятором арабских преданий. Напротив, он извлекал из народного духа лишь то, что соответствовало понятиям о Едином Боге, общем Творце всех людей. Арабский дух оказался достаточно универсален для того, чтобы дать Магомету средства борьбы со всеми языческими тенденциями арабских племен. Эту борьбу Магомет вел энергично и непримиримо. Он отчетливо сознавал и говорил, что Аллах — Бог Авраама, есть тот самый Бог, какого чтит иудей и христианин, и что, возвращая свой народ к вере Авраама, он привлекает его на служение Бога всего

мира и, следовательно, к мировой роли. В этом отношении арабский пророк стал выше иудейства, которое в своем главном русле не могло отрешиться от придавания Иегове значения еврейского национального божества. Магомет, наоборот, приблизился к универсализму христиан, у которых, вероятно, и заимствовал его.

Действительно, будучи арабом и призывая родную Аравию на служение Аллаху, Магомет с первых же шагов своей деятельности покинул свойственную тогда арабам племенную точку зрения и вместо племени создал «общество верующих», подобие христианской Церкви.

Еще перед бегством в Медину, в 622 г., Магомет, принадлежавший к племени корейшитов и получивший драгоценную помощь своих сородичей во всех столкновениях с врагами, невзирая даже на то, что корейшиты вовсе не хотели принимать ислама, — торжественно основал общество правоверных, как бы новый народ, и вышел из состава своего родного племени. В новом обществе правоверных были не только лица разных племен, но даже бывшие рабы, ставшие, с поступлением в общество ислама, свободными. Вся взаимопомощь, обязательная в арабских племенах, перенесена была для правоверных в это новое общество, которое окончательно было урегулировано в Медине. Это создание общества, связанного уже не родством и единением около Аллаха, делало новую веру универсальной, позволяло входить в ряды мусульман людям всех народов, даже и насильственно обращенных в новую веру. Вместе с тем солидарность и взаимопомощь, перенесенная с племени на общество ислама, создавали ту материальную обеспеченность всякого мусульманина, которая привлекала к исламу массы народов из всех других вер, не исключая даже христианской.

Впоследствии мусульманство раздробилось на секты и вероисповедные школы и усвоило себе точки зрения, безусловно, чуждые Магомету. Но сам Магомет вводил религию, которая избавляла человека от трудных умствований, упрощала его нравственность и если требовала безусловной покорности Богу и исполнения довольно сложных обрядов, то, с другой стороны, делала мусульманина владыкой мира, господином над всеми племенами земными. Основы веры ислама просты. Прежде всего они сводятся к безусловному подчинению Богу, что выражает самое слово «ислам» (преданность или покорность). Человек, создание Божие, остается в полной власти Бога. Коран говорит, что мы зависим от произвольного Божия предопределения, которого никто не может избежать. Бог руководит каждым, как хочет, кого хочет, он даже вторгает в заблуждение.

Такой фатализм кажется несовместим с нравственной ответственностью, но она у мусульман переносится в область исполнения предписаний Корана. Сам же по себе фатализм делал мусульман особенно способными к завоевательной роли, подрывая страх смерти.

Подчиняясь безусловно Богу, мусульманин делался распространителем власти Божией на земле. Все люди обязаны подчиняться Аллаху хотя бы они этого или не хотят. Если они не подчиняются, то не имеют права на жизнь. Поэтому язычники подлежат или обращению в ислам, или истреблению. Насильственное обращение в ислам не представляет, с Магометовой точки зрения, ничего предосудительного, ибо люди обязаны безусловно покоряться Богу не по своему желанию, а потому что Аллах этого от них требует. Магомет обращал насильственно в свою веру не только язычников, но и евреев. Однако вскоре было установлено, что насильственному обращению или истреблению не подлежат все, «имеющие Писание», то есть христиане и иудеи. Предполагалось, что они также подчиняются Богу, хотя и неправильно, по каким-то недостаткам своего Писания, но не по нежеланию ему подчиняться. Однако, как не подчиняющиеся установленным способом, они не могут иметь самостоятельного существования, не имеют прав и должны служить на пользу правоверным. Таким образом, уже при Магомете мусульманам была указана цель покорения всего мира, причем господствовать всюду могут только мусульмане, неверные же подлежат или истреблению, или насильственному обращению, или же, наконец (иудеи и христиане), подчиненному существованию, обязаны платить им деньги за дозволение существовать, хотя бы и в бесправном положении. Такая перспектива всемирного завоевания и грабежа была также вполне в духе арабов, вечно занимавшихся грабежами всех «чужих» и самоотверженно защищавших всех «своих».

Безусловное подчинение верных Аллаху и покорение ему неверных было первой основой воинственной и фанатической религии Магомета. Но для правоверных были установлены и другие обязанности. В магометанстве поныне, среди всяких разногласий сект, существует пять так называемых «столпов веры», общих для всех. Это именно: 1) исповедание веры, которое выражается и в завоевании неверных; 2) молитва, исполняемая согласно предписанным обрядам; 3) милостыня; 4) пост, совершаемый в предписанное время и в предписанном порядке; 5) путешествие в Мекку на поклонение хотя бы раз в жизни. Обрядовые предписания магометанства довольно сложны и обременительны, но это не препятствовало притягательной силе ислама. Как справедливо замечает Георг Шустер,

«религия, ограничивающаяся внешней обрядностью, всегда приятна для среднего человека, который не любит, чтобы Божество предъявляло требования его душе, но сложные внешние обряды он исполняет охотно, если верить, что это угодно Богу. Это мы и видим в религии Магомета». (Георг Шустер. Тайные общества, союзы и ордены. СПб., 1905. С. 156).

А мусульманство действительно не предъявляет душе человека больших требований. Предписания Корана по преимуществу сводятся к тому, что требуется общественной пользой. Коран предписывает благотворение сиротам и бедным, справедливость в мере и весе, запрещает корысть, лихву, гордость, насмешки, требует воздержание от вина, почитания родителей, ласкового обращения с женой, послушание жены мужу и т. п. Запрещается также и прелюбодеяние, но не сластолюбие и не чувственность. У самого Магомета было множество жен, и мусульмане даже гордятся этим как доказательством жизненной силы пророка. Предписания ислама вообще направлены не на развитие чистоты душевной, а на соблюдение правил житейского благополучия и благовоспитанности. Самое запрещение корысти и лихвы не обременительны для тех, кто имеет законное право обирать и грабить весь мир, за исключением своих единоверцев. Сверх того, в первоначальном мусульманстве был элемент некоторого своеобразного «коммунизма», который давал прочное обеспечение жизни всякому правоверному. Это впоследствии пришло в упадок, хотя обязанность халифа заботиться о нуждах правоверных сохранилась в принципе навсегда. Особенно правильная регуляция мусульманского «коммунизма» принадлежит халифу Омару. По его конституции доход от конфискаций, дани и налогов с неверных принадлежит всем мусульманам. За покрытием расходов на военные цели, все остатки (а они представляли огромные миллионы) делились между всеми правоверными. Омар учредил особый «Диван», ведший точный расчет прихода и наличности капитала, как и список всех мусульман по племенам и семьям, пропорционально участию их в войнах против неверных. На основании этих данных вырабатывалась система годового дохода, выдаваемого каждому мусульманину с его семьей (А. Мюллер. История ислама. Т. 1. С. 302–303).

Обязанности халифа заботиться о нуждах каждого верующего хорошо рисуются следующим эпизодом из жизни того же Омара. Однажды он с отпущенником Асланом вышел на прогулку и наткнулся за городом на костер, около которого женщина что-то кипятила среди плачущих детей. На расспросы Омара она рассказала,

что ей с детьми нечего есть и что она кипятит простую воду с тем, чтобы обмануть детей, думающих, будто бы она готовит пищу. Она надеялась, что дети в ожидании пищи легче уснут. Не подозревая, что перед ней находится сам повелитель правоверных, она при этом жестоко бранила халифа, который отнял у ней мужа, послал его на войну, где его убили, а теперь ей с детьми приходится умирать с голоду. Омар, не открывая себя и слегка защищая халифа тем, что он, наверное, не знает о бедствиях этой семьи, немедленно пошел в город и самолично взвалил на плечи из амбара мешок муки и хороший кусок сала. В сознании своей вины, в желании ее загладить он не позволил Аслану нести этот груз, но сам принес к женщине и сам сварил пищу. Потом сам же накормил детей, а мешок муки и сало оставил бедной женщине, которой так и не открыл своего звания. Удаляясь восвояси, он говорил Аслану, что никак не мог уйти, не успокоившись, не увидав самолично, что дети наелись и развеселились. (Там же. Т. 1. С. 319–320.)

Этот дух заботливости о нуждах правоверного со временем, конечно, ослабел, но он остался все-таки характерной чертой мусульманства, сближая его в этом отношении с еврейством, с той разницей, что у евреев широко развились учреждения общественной взаимопомощи, тогда как у магометан обеспечение правоверных в принципе лежало на общем религиозно-политическом главе — халифе.

Как бы то ни было, ислам вышел из рук Магомета религией, приспособляемой преимущественно для жизни политической и общественной. В отношении всего, удовлетворяющего духовные запросы личности, и тем более религиозно-философские, ислам беден и в этом отношении слаб. Но как орудие религиозно-государственной жизни он могущественнее всех других религий, и эти две характерные черты обусловили его место в истории человечества.

Ислам — универсален, космополитичен, он принимает к себе всех и всех делает владыками мира или по крайней мере претендентами на такое владычество. Подчинившись Аллаху, мусульмане внутри своего общества равноправны, в отношении же всего остального мира имеют права владычества над неверными, над их трудом и имуществом. Мусульмане царствуют в мире с Аллахом явно, наглядно, со всеми выгодами этого. Это, конечно, прельщает среднего человека. Фанатизм, становящийся обязанностью пред Аллахом, и фатализм, истекающий из веры в предопределение, делают последователей ислама неустрашимыми воинами, тем более что каждый успех в подчинении неверных обеспечивает правоверных все новыми богатствами. Упростив до крайности веру, связав

человека с Богом не какими-нибудь тонкостями духовной жизни, а слепой безусловной покорностью с обязанностью распространять веру, Магомет создал могущественное орудие в руках пророка и его преемников. Отсюда грозная внешняя сила ислама и его сказочно быстрое распространение в мире. Но бедность религиозного содержания сделала его внутренне слабым и податливым к внешним влияниям других религий, что в конце концов отразилось расслабляюще и на внешней силе ислама. Это проявилось очень быстро, можно сказать, с первыми же завоеваниями мусульман, которых сила воскресала с каждым порывом упрощенного Магометова фанатизма и ослаблялась с каждым проявлением стремления к более глубокой и тонкой религиозной жизни.

ГЛАВА XXXVIII

Посторонние прослойки в исламе

При первых халифах мусульмане, как стремительный поток, в каких-нибудь два-три десятка лет захватили Сирию, Персию, Египет, Северную Африку (Магомет умер в 632 г. После него халифами были: Абу Бекр, умерший в 634 г. Омар, умерший в 644 г. Осман, умерший в 655 г., Али, умерший в 661 г. После этого халифат перешел в Сирию (Дамаск) к Муавии и его потомкам, династии Омейядов (Муавия был потомком Омейм, двоюродного дяди пророка Магомета)).

Во всех этих странах арабы столкнулись с религиозными учениями, проникнутыми тонкими мистическими настроениями и тонко развитыми философскими доктринами. Тут были христианские гностики, еврейские мистические каббалисты, новоперсидские последователи Зороастра, наследники обрывков греческой и египетской философии. Они во множестве поневоле принимали ислам, а нередко, конечно, находили, что, по неразвитости мусульманской доктрины, могут легко совмещать ее с прежними верованиями. Укоренившийся способ аллегорического толкования Писаний легко применялся и к Корану, даже легче, чем к Священному Писанию Ветхого и Нового Завета, так как Коран, представляющий сборник несогласованных вдохновений и предписаний, отличается больше красотой образа, нежели точностью мысли.

Такие толкования явились почти тотчас после окончательной редакции Корана, именно у обращенного в ислам еврея, Абдаллы ибн Саба, во время споров об истинных преемниках пророка Магомета. Некоторые писатели (антисемиты) заподозривают Абдаллу ибн Саба в том, что он нарочно возбудил эти споры из еврейской ненависти

к исламу с целью подорвать силу мусульманства внутренними раздорами. Немного позднее в магометанстве действительно явился такой изменник, Абдалла ибн Маймун, который преднамеренно подрывал раздорами силу ислама и, ненавидя арабов и ислам, придумал в обществе измаилитов способ уничтожить мусульманство силами самих магометан. Но в отношении Абдаллы ибн Саба это не доказано. Нужно заметить, что если бы Абдалла ибн Саба действовал в этом случае в интересах еврейства или, тем паче, по поручению еврейского правительства (тогда существовали еврейские князья изгнания — Реш Голуты) — то мысль выдвигать кандидатуру именно Али представляется очень странною. Али, муж Фатимы (дочери Магомета), был именно тем полководцем Магомета, который разгромил хайберских евреев, собственноручно убил знаменитого защитника еврейской свободы Маграба и взял в плен его сестру, пытавшуюся потом отравить Магомета. Сверх того, по словам еврейского историка Греца, среди арабов еще при жизни Магомета возникло верование в то, что он никогда не умрет. Наконец, просачивание в ислам привычных верований покоренных народов было явлением неизбежным.

Как бы то ни было, в магометанстве действительно возник жестокий раскол. Он произошел на почве двух обстоятельств: различного понимания преемственности звания халифа и различного отношения к Магометову преданию. Арабы находили, что так как у Магомета не осталось наследников мужского пола, то власть халифа должна устанавливаться по избранию народа. Другая часть мусульман, преимущественно персидская, находила, что звание халифа должно быть наследственным, и Абдалла ибн Саба получил успех именно потому, что дал религиозную основу этой идее. Кроме того, возникли споры о значении предания. В арабской части мусульман началось собирание предания об обычаях и узаконениях, санкционированных Магометом, по свидетельству близких ему лиц. Обширный сборник этих обычаев — Сунна — был признаваем равноавторитетным с Кораном. Но сирийско-персидская часть магометан отрицала Сунну, вероятно, потому, что Сунна, точно закрепляя предписания магометанства, стесняла произвольное толкование Корана. Так возник раскол суннитов и шиитов. Арабская часть магометанства сделалась и осталась суннитами (так же как впоследствии турки). Шиитами же поныне остались персы. Слово «шиит» по смыслу своему не имеет, впрочем, никакого отношения к «Сунне», а означает просто партию Али. Спор начался во время раздоров об Али как единственном

истинном преемнике Магомета. Слово «шиа» означает «партия». «Шиат Али» была партия преемника Магомета, и «шиитами» назывались его приверженцы (А. Мюллер. Указ. соч. Т. I. С. 362).

Но эти приверженцы были не только за Али, а также и против Сунны. Просачивание в ислам верований покоренных народов совершенно понятно. Ислам был созданием арабского духа и созрел в Аравии. Но было бы немыслимо, чтобы огромные массы народов Азии и Египта остались без влияния на него, тем более что Мекка оставалась политическим центром халифата очень недолго — менее 30 лет по смерти Магомета. С 661 г., по смерти Али, халифат перешел в Дамаск, к династии Омейядов, которая владычествовала около 90 лет, до 750 г., когда халифами стали аббасиды (Аббасиды были потомки Аббаса, дяди пророка Магомета) и столицей сделался Багдад. С Багдадом связаны 500 лет жизни магометанства. Хотя арабы оставались главной руководящей силой ислама, но они сами в Дамаске, Багдаде, Египте погрузились в массы неарабского населения, впитав в себя огромные его количества и живя уже в бытовой обстановке совершенно новой. Центры религиозного и научного образования возникали и процветали большею частью также вне Аравии. Таким образом, религиозные точки зрения, свойственные духу покоренных народов, со всех сторон вторгались в ислам, глубоко его видоизменяя. Эти изменения относились и к понятию о Божестве, и к отношениям между Божеством и человеком. Божество начало принимать пантеистический характер, отношения к Нему человека начали облекаться мистическим слиянием с Ним. Развиваясь первоначально в среде, ставшей шиитской, эти воззрения проникали постепенно и в среду суннитов, делая магометанство в конце концов очень сложной, даже пестрой, религией, которую магометанское богословие лишь с трудом могло приводить к некоторому подобию стройности.

Первое появление мистико-пантеистической идеи относится ко временам халифа Османа и упомянутого еврея Абдалла ибн Саба. Османом вообще были недовольны за слабость его правления. В это время Абдалла ибн Саба стал проповедовать особую теорию преемничества власти халифа как преемственности духа божия, бывшего у пророка Магомета, а потом переходящего в других его преемников. Истинным преемником пророка должен быть тот, на которого перешел дух божий, бывший в Магомете. Тут явились первые ростки идеи о слиянии с Богом. Свою теорию Абдалла основывал на толковании 85 стиха 28 Суры Корана, где сказано Магомету: «Тот, кто дал тебе Коран, приведет тебя к месту возвращения». Конечно, Магомет разумел здесь свое возвращение в Мекку,

из которой в это время еще был изгнан. Но слово имеет двойной смысл: «возвращение» и «воскресение мертвых». Отсюда Абдалла выводил учение о бессмертии Магомета и его воскресении, как при конце мира, так и в людях, становящихся его преемниками. Таким наследником духа Божия и Магометова в данный момент Абдалла называл именно Али, мужа Магометовой дочери Фатимы, который был знаменитый полководец, но не более близкий свойственник пророку, чем другие его зятья. Сам Али ничуть не одобрял теории Абдаллы, считая ее даже кощунственной, и хотел его казнить. Но Абдалла убежал в Египет и продолжал свою проповедь против Османа и за Али. Скоро из Египта в Мекку прибыли 500 заговорщиков, под видом паломников, в действительности же с целью силою принудить Османа к отречению от халифата. Но так как он упорно воспротивился их настояниям, то они его убили. После этого халифом был провозглашен действительно Али.

Али в свою очередь был убит заговорщиками через 5 лет, быть может, не без интриг сирийского наместника своего Муавии, который и сделался халифом. Но это не прекратило проповеди Абдаллы, который утверждал, что Али остается живым, что гром — это его голос, молнии — это его меч. Тут уже мы видим пантеистическое слияние духа с природою. Абдалла ибн Саба утверждал, что Али лишь временно находится в скрытом состоянии, но потом явится и водворит на земле справедливость. Так появилось учение о «скрытом имаме», играющее в мусульманстве огромную роль.

Идея «скрытого имама» дала начало двум сектам: «измаилитам», возникшим в 765 г., и «дюжинникам», явившимся около 873 г. («Дюжинники» утверждали, что после Али должно явиться 12 имамов, из которых последний уничтожит династию Багдадских Аббасидов и обоснует на земле Царствие Божие. Этот двенадцатый имам, таким образом, и будет Мессия — Махди).

Обе они родственны по идее, наиболее же существенное и прочное значение имели в исламе измаилиты.

Эта секта возникла таким образом. По смерти Али халифат был захвачен омейядами, но приверженцы Али находили это узурпацией и считали своими повелителями «истинных имамов» из потомства Али. Имам представляет вочеловечившийся дух Божий, переходящий из одного тела в другое. Секта чтит такими имамами — Хасана, сына убитого Али, Хусейна, сына Хасана, Али, сына Хусейна, Мухаммеда, сына Али второго, и Джафара, сына Магомета. Но тут явилось разногласие. После Джафара имамом должен был стать его сын Измаил, но он был за дурное поведение

лишен отцом этого духовного наследия, сверх того, умер еще при жизни отца, почему Джафар назначил имамом другого своего сына. Но часть секты не согласилась с этим, под влиянием знаменитого авантюриста Абдаллы ибн Маймуна.

Абдалла ибн Маймун, родом из Мидии, обыкновенно называемый персом (а некоторыми — евреем) — сектант-окультист, ненавидевший арабов, не веривший в магометанство и имевший прямую цель подорвать ислам, выступил с доказательствами на основании аллегорического чтения Писания Ветхого Завета и Корана, что Измаил был законным имамом и что имамат переходит к сыну его Магомету, который и будет давно жданный Мессия — Махди. Он так и именуется — Магомет-Махди. Но этот Магомет куда-то исчез, и Абдалла ибн Маймун объявил, что Магомет перешел в скрытое состояние, а его — Абдаллу, назначил своим наместником, так что все истинные правоверные должны слушаться Абдаллу во имя Магомета-Махди, пока он не объявится, и в ожидании подготавливать, под руководством Абдаллы, мир к пришествию Махди. Абдалла ибн Маймун, таким образом, сделался неограниченным владыкой секты, эксплуатируя это положение для роскошной жизни, которую разделяли и другие лица высших степеней. Вся система ордена была построена на обмане, жестокости, эксплуатации человеческой глупости, и безнравственность будущих «ассасинов» (убийц) вошла в историческую поговорку. Но об измаилитах и ассасинах как обществах, развивших огромное историческое значение, мы скажем в отделе «Тайных обществ» (глава 52). Здесь же должно заметить, что, как бы ни цинично владыки орденов эксплуатировали различные философские учения магометанского Востока в целях личных или в целях враждебных исламу сил (Антисемитские писатели подозревают тут действия тайного еврейского правительства. Доказательств этому нет, да, конечно, и не может быть. Впрочем, вопрос этот был бы интересен лишь в истории политики. Что касается философских учений, их можно изучать независимо от того, эксплуатировал ли их кто-нибудь политически), эти доктрины не были ими выдуманы, а составляли достояние тысячелетней работы мысли и чувства народов на всем пространстве земного шара. Эти воззрения проникали в ислам, как проникали всюду. Эти точки зрения жили преимущественно в среде тех народов и сект, которые сконцентрировались в мире шиитов, но проникали постепенно и в мир Сунны, в весь мир ислама. А что такое представляли эти религиозно-философские точки зрения? Достаточно вспомнить, как описывает магометанский ученый Шахристани секты и философии

своего времени, для того чтобы на каждом шагу видеть отпрыски философии древнеязыческой, каббалистической, гностической, новоперсидской, греческой мистики.

Шахристани, или Шарастани, жил в 1077–1153 г. и работал в знаменитой магометанской Мишанурской академии, откуда вышло много светил магометанской учености, вышел также и один из свирепейших владык ассасинов — Хасан ибн Саба. Но Шахристани в своем очерке приводит мнения гораздо более ранних философов ислама, именно Магомета аль-Бакир, который сам был «имамом», отцом Джафара, дедом Измаила, на прославлении которого построил свою карьеру Абдалла ибн Маймун.

Религиозная философия, из которой выросло учение о Махди, исходит из того положения, что у Бога нет никаких атрибутов, так что нельзя даже сказать, существует он или не существует, всеведущ он или неведущ, всемогущ или бессилён. Тут рисуется, стало быть, божество, не имеющее ничего общего с Аллахом ислама, божество как простой первоисточник мировой субстанции, лишенный личного характера и производящий духовные свойства только в своих эманациях, особенно же в человеке. Это нечто вроде Эн-Софа Каббалы. Магомет аль-Бакир, умерший в 736 г., то есть всего через сотню лет после пророка Магомета, объяснял, что Бог знает постольку, поскольку дал ведение знающему, и могуч постольку, поскольку дал силу могучему. Конечно, тут выражение «дал» только метафорично. Должно понимать так, что первичная исходная субстанция получает ведение и могущество только в исходящей из нее личности. Само по себе это божество не сотворило и вселенной непосредственно, а лишь посредством истекшего из него Мирового Разума. Разум в свою очередь породил Мировую Душу. Она своим обратным стремлением к Мировому Разуму вызвала к действию круговорот мировых сфер в семи кругах, вследствие чего возникли первичная материя, пространство и время. Это составляет пять первоначал, которых эманацией явился человек. Соответственно такому происхождению, человек стремится обратно к первоисточнику, то есть к Мировому Разуму, чтобы в нем раствориться. Эти вариации платоновских идей затем приспособляются к учению об «имамах».

Собственными силами, гласит эта доктрина, большинство людей неспособно реализовать стремление к растворению в Мировом Разуме. Но Мировой Разум и Мировая Душа воплощаются в немногих избранниках, которые и ведут человечество к свету. Это суть пророки и имамы, возвестители и изъяснители религий. Их действие в мире совершается сообразно движению мировых сфер.

Мировая Душа в своем стремлении к Мировому Разуму произвела движение семи мировых кругов. Так точно ведут человечество пророки и имамы к познанию истины, переводя людей из круга в круг, начиная с наименее сознательной религии и кончая наиболее совершенной, в которой человеку уже становятся ненужными ни заповеди, ни закон. Все религии, начиная с наименее совершенных, в которых еще нужны заповеди и закон, ведут людей к одной и той же цели, одному и тому же последнему откровению. Не всем сразу открывается истина. Пророки и имамы для того и существуют, чтобы разъяснять двойной смысл религий: явный для невежественного большинства и тайный, открываемый посвященным, единственно верный и одинаковый во всех религиях, освещающий единую всем религиям общую цель — воссоединение человека с Мировой Душой и Мировым Разумом. Различные религии служат лишь ступенями, ведущими к познанию этой единственно верной, последней, совершенной религии, и все они содержат одинаковые наставления для достижения, в конце концов, высшего познания: нужно только уметь разбирать эти наставления посредством аллегорического чтения Писаний (К. Казанский. Мистицизм в исламе. Самарканд, 1906. С. 173–174. Автор делает свое изложение по немецкому переводу сочинения Шахристани “Scharistani — Religionspasteien”). В своей передаче я стараюсь как можно рельефнее подчеркнуть общие черты древнего эзотеризма в этой прививавшейся к исламу, чуждой ему философии).

Таков смысл этой религиозной философии, которая, понятно, могла быть применяема для борьбы с исламом, для подрыва авторитета всякой положительной религии, всякого авторитета заповедей, наконец, могла быть направляема и для развращения людей, у которых с падением форменного страха перед нарушением заповедей могли разнуждываться животные страсти. Люди, как Абдалла ибн Маймун, могли и сами на основании такой философии приходить к безбожию и презрению нравственного закона. Но с другой стороны, не менее понятно, что мыслители парсизма, индуизма, гнозиса, каббалы и т. д., создавшие материал для этих магометанских вариаций эзотеризма, не имели ни таких целей, ни такого понимания своих концепций. Точно так же и в исламе не одни измаилиты — ассасины или разбойники карматы усваивали эти учения, а также и люди искренние, искатели истины и высшей духовной жизни. Эти самые учения мы видим и в монашеских орденах ислама, у суфи, дервишей, мюридов, которых возникновение противоречило целям и предписаниям Магометова ислама, но которые, во всяком случае,

не только не имели безнравственных или эгоистических целей, но даже не думали подрывать ислама, а, наоборот, полагали только проникнуть в глубочайший смысл учения Пророка.

Пророк Магомет отрицал монашество и воспрещал его. Однако, как обычно полагают, под влиянием христианских монастырей и, конечно, под влиянием отголосков индуизма в исламе очень скоро появились пустынники, которые начали и объединяться между собою. Это так называемые суфи или дервиши. Можно было бы заподозрить, что слово «суфи» имеет какое-нибудь сродство с греческим «мудрость» (софия). Но на самом деле оно происходит от названия их одежды: «суфа» — власяница. Суфи — строгие аскеты и различными способами изнуряют свою плоть, хотя и не по христианскому образцу. Пост, бдение и молитва проникают их жизненный режим. Общины суфи или дервишей имеют и своих настоятелей — шейхов, которые играют также роль христианского старца, духовника, следящего за духовной жизнью своих подчиненных. В молитвенных упражнениях дервишей заметно сходство больше с индусскими йогами, нежели с христианскими аскетами, хотя некоторые из этих упражнений напоминают также и то, что у христианских аскетов называется «художественным деланием», то есть как бы «искусственной» молитвой. К. Казанский приводит из наблюдений Ханыкова в 30–40 г. XIX в. в Бухаре, тогдашнем центре магометанского религиозного просвещения, описание упражнений мюридов (К. Казанский. Мистицизм в исламе. У Ханыкова — изложено в «Описании Бухарского ханства». СПб., 1843).

В их молитве имеется пять степеней. В первой должно обратить глаза на сердце свое, вгоняя в него свое помышление и повторяя в сердце «Алла». Во второй степени закрывают глаза, направляют их мысленно под ложечку, то есть в область симпатической нервной системы, и повторяют то же самое слово «Алла». В третьей степени направляют таким же образом мысль свою на печень, с повторением той же краткой молитвы «Алла». В четвертой степени упражнений повторяется то же самое, с направлением внимания на верхнюю поверхность мозга. Идея состоит в том, чтобы все части тела проникались молитвой, стремлением к Богу. В пятой степени, наконец, должно повторять слово «Алла» одновременно всеми частями тела. Это построение внутренней молитвы своеобразно по исполнению, но в основном плане напоминает как наше «художественное делание», так и упражнения индусских йогов. Конечная задача молитвы дервишей — приведение себя в экстатическое состояние, что достигается не только самоуглублением, но также

и религиозными плясками, наподобие радений наших хлыстов. Для этих молитвенных упражнений дервиши собираются вместе и в результате пляски приходят в изнеможение и иступление. Как и у индусских йогов, предполагается, что в состоянии созерцания и иступления дух овладевает плотью и позволяет телу совершать чудотворные действия. Так, дервиши глотают битое стекло, горящие уголья, пронзают себя кинжалами и т. д. — не испытывая от всего этого никакого вреда. Эти необычайные деяния дервиши совершают и публично, как индусские факиры.

Эти суфи, будучи мусульманами и составляя учреждение, давно уже признанное не еретическим, а входящим в правоверную систему религиозной жизни, по своим верованиям, однако, чистые пантеисты, и цель их религиозной жизни — то самое «воссоединение с божеством», о котором говорил Магомет аль-Бакир или, по крайней мере, Шахристани. И если мы видели различные «степени посвящения» у измаилитов, то такие же степени посвящения имеются у суфи. Всех степеней у них четыре. В первой суфи живет «законом», изучает его и исполняет, почему и самая степень называется «шариат». Это прохождение закона. Во второй степени суфи делается «послушником» (тарикат), подготавливаясь послушничеством к дальнейшему совершенству. В третьей степени, именуемой «познанием» (марифат), суфи уже достигает знания высоких истин и приобщается к ним своим сознанием и ощущением. Он именно развивает в себе чувство единства вселенной в Божестве, познает призрачность здешнего мира, достигает, наконец, того знания, которым злоупотребляли вожди измаилитов, то есть узнает равенство всех религий, одинаковость добра и зла, нравственности и безнравственности. Это, как видим, та самая идея, которую Кришна открывает в Арджуне в «Бхагавад-Гите». Но третья степень еще не конец. Полное совершенство получается лишь в четвертой, именуемой «хакикат» (истина), когда суфи достигает полного отождествления с Богом.

Таким образом, в ислам вошли, как признанная составная часть, учения, представляющие полную противоположность, казалось бы, с действительным правоверным учением Магомета. И, однако, подготовкой к этому служит изучение и исполнение закона — шариат. Правда, что магометанство сознает опасность таких учений и состояний, если то и другое становится достоянием неподготовленных людей. Поэтому шейхи дервишей тщательно следят за своими учениками и их упражнениями, сдерживая их, когда нужно, и допуская до высших понятий и состояний лишь по мере должной выработки.

ГЛАВА XXXIX

Экзотеризм и эзотеризм ислама

Два обрисованных элемента, соединившихся в исламе, не находятся между собою в органической связи, хотя и переплелись настолько, что мусульманин едва ли может избавиться от того или другого. Но те религиозные представления, которые живут в пантеистическом исламе, никак не могут быть выведены из учения пророка Магомета, даже изъясненного магометанской богословской наукой.

Основные положения ислама, так называемые столпы веры, до чрезвычайности просты. Они требуют: 1) исповедания веры; 2) пятикратной молитвы в день; 3) довольно умеренной милостыни; 4) определенного в обрядах поста; 5) паломничества в Мекку. Разработанная догматика ислама устанавливает обязательными шесть пунктов веры:

1) Вера в Бога; 2) в ангелов; 3) в Священное Писание; 4) в пророков; 5) в воскресение мертвых, всеобщий суд и его последствие — рай для спасенных и ад для осужденных; 6) вера, наконец, в предопределение. Эти пункты веры комментируются и более подробно изъясняются богословской наукой, но религиозная жизнь магометанина и при этих объяснениях остается проста, ясна, тесно связана с земной жизнью и защищена от всяких пытливых колебаний и недоумений ума.

Бог ислама — Аллах — есть Бог личный, это не какой-нибудь элемент мировой природы, не какая-то «сила», но Личность, мир создавшая и над всеми судьбами мира блюдущая. Аллах дает предписания, как люди должны жить, он определяет всю их судьбу, предопределяет ее настолько, что человек не в силах изменить ничего из предназначенного ему. Его обязанность — ислам, то есть безусловная преданность Аллаху, покорность, повиновение и предание себя в руки Его. Все остальное будет сделано самим Аллахом, и человек будет судим не за то, что вышло в его жизни, а за то, исполнял или не исполнял он предписанный ему закон. Эта вера в предопределение успокаивает душу, устраняет и бесполезные умствования. Человек находится в крепких руках, и притом не безличной природы, а Высочайшего Личного Существа. Под условием безусловного подчинения Богу человеку предоставляется пользование всеми благами жизни, и эта жизнь — хороша. Было бы кощунством находить недостатки в том, что дается Аллахом. Закон, данный Аллахом, обеспечивает блага здешней жизни. В ее реальности немислимо усомниться, ибо реальное Личное Существо — Аллах не может погружать человека в какие-то

фантазмагории, тем более что делает его и соисполнителем Своих предначертаний по приведению всех к вере в Аллаха. Магометанство — религия, приспособленная к земным потребностям, и заботится о них. Когда же наступит предназначенное Аллахом время окончания земной жизни — будет всеобщее воскресение мертвых и общий их суд. Магометанская эсхатология сходна с христианской, и в ней Личный характер Божества и реальность человеческой личности остается выдержаны до конца. Перед концом мира придет лжеучитель (Антихрист), но явится также Иисус Христос, который должен будет судить живых и мертвых, воскресших для этого, явится и Мессия-Махди, имеющий водворить Царствие Божие. Засим праведных ждет рай, грешных — ад. Однако ни рай, ни ад не отходят от реальности здешней жизни, райские наслаждения представляют как бы идеал земных, а адские муки воспроизводят верх земных мучений.

Все это просто и ясно, и Магометово учение не дает никакой почвы для пантеистических представлений, никакого места для дополнения веры умствованиями. В пунктах вероисповедания есть учение о пророках и Писании, где могло бы явиться некоторое умствование и стремление дополнить мировоззрение Корана. Действительно, требуется вера в пророков и в Писание. Но вера в пророков косвенно предписывает веру и в Писание иудеев и христиан. Пророки вообще разделяются исламом на две категории. Высшие пророки — это собственно посланники Бога, «разуль», те, которые приносят с собой откровение Бога. Таковыми считаются: Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус, Магомет. Другая категория пророков, называемых «наби», очень многочисленна, но все «наби» уже не имеют такого значения и исполняют только частности велений Аллаха. Что касается Моисея и Иисуса, то они были «посланники», «разуль», они принесли с собой Откровение Бога Аллаха. Следовательно, оставленное ими Писание — божественно и обязательно. Однако оно далеко не всегда сходится с Магометовым. Правда, Магомет, для устранения мысли о разноречивости велений Божиих, объявил, что иудеи и христиане исказили писания своих пророков. Но не все же в них они исказили, ибо, если бы искажено было все, то Магомет не мог бы признать, что иудеи и христиане не «язычники» и не подлежат одной с язычниками участи. На основании этого в исламе могло бы, следовательно, явиться сравнение Писаний, сопоставление их и какое-нибудь дополнение учения магометанства учениями иудеев и христиан, тем более что и сам Магомет взял многое у них. Но если бы магометанство и задумало такую работу, то из писаний иудейских и христианских оно не могло бы извлечь пантеистических представлений, ничего, подрывающего

личный характер Божества и реальность всего, что Богом создано, управляется и направляется к Им установленным судьбам.

Сам Магомет если почти не знал христианства, то пережил сильные воздействия еврейства, и в концепции Аллаха он воспроизвел именно еврейское понятие о Боге-Иегове, о Боге Авраама, Боге Личном, Создателе и Промыслителе, узнав в христианстве лишь то дополнение, что это не какой-нибудь племенной Бог, а всемирный, всечеловеческий. Но если еврейство и христианство, в своем точном смысле, не могли привнести в рождающийся ислам никаких элементов пантеизма, затушевывающего или уничтожающего личный характер Божества, то это могли сделать христианские и еврейские ереси, гностицизм и каббалистический мистицизм. Сам основатель ислама имел достаточно чуткое религиозное сознание, чтобы не поддаться им и усвоить (с известной переработкой) лишь веяния действительного, Авраамо-Моисеева, религиозного ощущения. Но арабы вообще (не только при Магомете, а и до него) уже были подвержены влияниям гностических ересей и каббалистического мистицизма, то есть тем направлениям христианства и иудейства, которые сами были затронуты идеями языческой философии. А чем шире распространялось магометанство, тем сильнее воспринимало оно эти влияния, которые для своего обоснования в исламе пользовались тем же способом аллегорического чтения Писания, как ранее того для утверждения среди еврейства и христианства.

Сторонники этой пантеистической мистики, для того чтобы не быть выброшенными из еврейской и христианской Церкви, для того чтобы не становиться чужаками среди своих, прятались в тайные общества, с различными степенями посвящения, не говоря членам Церкви ничего противного ее учению до тех пор, пока не увлекали их в первые степени своего «посвящения». И даже в проповеди этим лицам, даже перед самими собой, воспитанники языческого пантеизма не сознавались, что они противоречили учению Церкви и Откровению, а говорили, что ортодоксальное учение — не суть полная ложь, а собственно внешнее выражение истины — «экзотерическое», предназначенное для людей еще не развившихся, не посвященных. Истина же действительная, глубокая, сообщается учением «эзотерическим» — сокровенным учением посвященных, которые, читая то же Писание, что и ортодоксальные верующие, понимают реальность того, что в Писании изложено прикровенно, аллегорично.

Как было в иудействе и в христианстве, так произошло и в исламе. В него вторгся «эзотеризм», оставляющий нетронутой букву вероисповедания, но читающий эту букву в диаметрально противоположном

смысле. Как было в древних языческих религиях, затем в иудействе и в христианстве, так повторилось и в магометанстве. Явилось два пласта веры, экзотерический и эзотерический. Первый составлял действительно то учение, которое называется ислам, с его характеристическими особенностями и отличиями от других вероисповеданий. Второй представлял полное отрицание этого ислама и воспроизводил древние языческие философии, подобно тому как гностицизм в своем эзотеризме отрицал действительную сущность христианства и считал действительной истиной то, чему верили древние эзотерические язычники, точно так же, как каббалистический мистицизм уничтожал действительную веру Моисея и пророков, а утверждал то, что составляло веру древнеязыческой эзотерической философии. Все сторонники эзотерических учений, когда они вполне искренни, в среде «посвященных» признавали, что экзотерические религии — языческие, иудейская, христианская, магометанская — в сущности, ложны, выражают лишь внешние оболочки веры, приспособленные для невежественных масс. Истина же во всех их одна — это учение эзотерическое, одинаковое во всех так называемых «положительных» религиях и одинаково их отрицающее.

Конечно, и в эзотерических религиозных философиях нет полного единства, в них есть свои школы, свои разногласия, но по существу они однородны и всюду заменяют Личного Бога Творца Вседержителя и Промыслителя пантеистическим божеством сил природы, отыскивает среди безличных сил природы какие-либо личностные силы (ангелы и т. п.) и в большей или меньшей степени видят в самом человеке высшую реализацию духовных свойств, лишь потенциально содержащихся в общей субстанции природы.

Как сказано выше (глава 32), из имеющих основой веру в Личного Бога Творца и Промыслителя, только одна христианская имела силу не допустить эзотеризма в свою веру и отбросить вторжение пантеистического мистицизма, так как могла освободить понятие Личного Бога от антропоморфизма. Вследствие этого пантеистические учения хотя и сохранились в мире христианской культуры, но и сами перестали претендовать на то, что они составляют «эзотерическое христианство», даже сами начали отгораживать себя от христианства. Но уже еврейству трудно было отграничить себя отчетливо от каббализма и предотвратить многочисленные вторжения его точек зрения в народную веру и талмудическую богословскую науку. Ислам оказался еще менее вооружен для этого, и в нем две противоположные религиозные концепции механически удерживаются почти в равноправности, оставаясь несогласованными органически.

ГЛАВА XL

Религия земного господства

Ислам выступил в мире с отчетливым характером, как религия земного господства. Он заявил себя высшим и последним Откровением Божества, которое на этот раз решило реализовать на земле факт, людьми не осознававшийся еще: оно потребовало, чтобы весь мир сознательно ему подчинился. Эта миссия и была вверена исламу. Магометане получили обязанность подчинить Аллаху все племена земные. Конечно, христианство также имело своей задачей привести всех к Богу, но огромная разница состояла в том, что христианство лишь возвещало истину, предоставляя затем свободному решению каждого выбрать свой путь: воспринять истину и спастись или отвергнуть ее, погубивши свою душу. Если христианство прибегало в прозелитизме к насильственным мерам, это было вопиющим нарушением самого смысла его. В исламе, наоборот, Божество заявило, что право на существование в мире, созданном Аллахом, имеют только те, кто ему безусловно подчиняется. Не подчиняющиеся — язычники — должны быть уничтожены. Тем народам, которые имеют Писание, дано было право на существование, но и они могли жить, только подчиняясь магометанам и служа своею жизнью на их пользу. Смысл религии ислама состоял в подчинении мира какими бы то ни было способами. К этой цели приспособлены были все составные части его религиозной жизни.

Действуя по повелению абсолютного Божества, не имея никакого права изменять это повеление, магометанин становился фанатиком, не ведущим ни рассуждения, ни снисхождения. Безусловный фатализм предопределения уничтожал в магометанине страх смерти. Павшим в священной войне против неверных давался немедленно рай со всеми наслаждениями, ибо такая смерть искупала какие бы то ни было грехи.

Делаясь, таким образом, самоотверженным и бестрепетным воином Аллаха, магометанин в то же время находил в священной войне и в господстве над завоеванным миром обильный источник материальных благ, ибо имущество, труд и самая личность неверного принадлежали правоверным. Война была их источником обогащения. Эта экономическая приманка, понятно, была тем более сильна, что грабеж и экспроприация чужого имущества неверных составляли для магометанина его законное право.

Создавая таким образом все для превращения своих последователей во всемирных завоевателей, ислам в то же время многими своими сторонами ослаблял силу сопротивления народов, подлежащих завоеванию. На первом плане в этом отношении стояла его космополитичность. Стоило неверному принять ислам, и уже никто не спрашивал его, какого он племени. Он становился равноправным членом общества правоверных и из завоеванного раба превращался в господина мира. Это настолько побуждало завоеванных принимать ислам, что магометане скоро стали сами ставить препятствия к обращению в их веру из соображений материальных, не желая терять людей, которых имущество они могли себе присваивать и поборами с которых существовало общество правоверных. Тем не менее громадные массы покоренных обращались в ислам.

Раз войдя в общество мусульман, все такие люди немедленно находили, что новая вера дает им жизнь легкую и приятную. В отношении чисто духовном ислам давал мало, но это и нужно было неразвитым массам. Их религиозное чувство вполне удовлетворялось обрядностью и сознанием того, что раз человек безусловно отдал себя в подчинение Аллаху, то ему уже не о чем-либо больше думать и заботиться, кроме исполнения заповедей. Обеспеченная материальная жизнь в магометанстве, справедливость во взаимных отношениях правоверных, общественная жизнь, отличающаяся приличием и во многих отношениях чистотой, — все было привлекательно для поклонника Аллаха. Из покоренных народов вырабатывались ревностные приверженцы магометанства, хотя, по преимуществу, среди народов не особенно развитых. Во многих местах, где проповедь христианства была бессильна или мало плодотворна, ислам захватывал массы очень легко. Так было среди народов северной Африки, малайцев, киргизов, черкесов Кавказа, а в наши времена в центральной Африке. Легко захватывая своих последователей, ислам и держал их очень прочно, так что ни одна религия не может похвалиться большими успехами прозелитизма среди магометан.

Слабую сторону магометанства всегда составляла бедность содержания его религиозной идеи. Если Магомет был безграмотен, то и галилейские рыбаки, несшие проповедь Христа, тоже не были особенно образованны. И, однако, внутреннее содержание возвещаемой ими идеи было так глубоко, так обильно, что истина христианства могла быть воспринимается великими философскими умами. В магометанстве же развитой ум и тонкое чувство не находили себе удовлетворения, вследствие чего он не мог бороться против вторжения чуждой пантеистической идеи. Для распростра-

нения в чисто внешнем виде даже и это не вещало исламу, так как внешним образом к нему легче могли присоединяться люди совершенно иного идейного содержания, а что касается народных масс, то вторжение пантеистической мистики лишь усиливало в исламе область поэтической фантазии, столь привлекательную для людей не рассуждающих, а чувствующих. Всеми этими причинами обусловилось необычайно быстрое распространение ислама в первое время его развития. Однако последующая история мира обнаружила также, что сама по себе задача земного господства не может составлять могучей основы для религиозной системы. Действительно, в конце концов ислам не победил ни одной из великих религий, на борьбу с которыми вышел. Иудейская религия даже неоднократно пользовалась магометанскими государствами для своего сохранения, как, впрочем, пользовалась и христианскими. Христианство было раздавлено исламом только в областях византийских, да и то оставивши наследие своего православия России, которая за два-три века покорила ряд магометанских государств и истощила главное из них — Турцию. Западное христианство, после недолговременной потери Пиренейского полуострова, не только возвратило его, но захватило под владычество созданных им государств всю Северную Африку. На востоке, несмотря на завоевание магометанами передней Индии, магометанство не утвердилось в народе, а потом потеряло и государственное господство. В мире буддизма магометанство не сделало ни малейших успехов. В общей сложности после двенадцати веков бурных порывов эта религия земного господства представляет теперь картину полного падения именно в смысле земного господства, почти всюду находясь под господством народов чуждых вероисповеданий.

Было бы бесплодно гадать о дальнейших судьбах ислама. Он имеет до сих пор огромное число своих верующих, не уступает их другим вероисповеданиям и ведет даже успешную пропаганду в Африке и в России. Но сторонники ислама уже не осуществляют основного смысла и требования своей веры — земного господства над неверными. Трудно даже представить, чтобы при современных условиях, когда религиозная основа все менее принимается во внимание в международных отношениях, роль ислама могла сильно измениться.

Однако в ее верованиях остается потенциально все-таки возможность возвратиться к временам первых халифов, то есть к идее земного господства. Эта возможность кроется в идее Махди. В магометанстве она не обнаруживает признаков замирения, и войны

африканских махдистов еще недавно показали, какие глубины фанатизма она способна возбуждать. В конце концов махдисты, однако, и в Африке потерпели поражение, и — что всего важнее — их движение не нашло уже отзвука в целом магометанском мире, все более подвергающемся влияниям европейской культуры, которая все менее становится сообразной с тем, чтобы народы отдавали свои силы на служение целям религиозным.

Безрелигиозная тенденция современной культуры не может считаться вечной, окончательным словом мировой истории. Есть немало признаков, указывающих на возможность возрождения влияния религиозной идеи именно на почве оккультизма и теософии. Но эта такая область мистицизма, в которой не ислам может получить влиятельную роль, так как он сам только побочным образом воспринял пантеистическую идею, в противоречие с основными своими верованиями.

Примечание

Тихомиров Лев Александрович (1852–1923) — русский общественный деятель, в молодости — народоволец, будучи в эмиграции, издавал вместе с П. Л. Лавровым «Вестник Народной воли». В 1888 г. отрёкся от революционных убеждений и, вернувшись в Россию после помилования, стал убеждённым монархистом.

С 1913 г. Тихомиров поселился в Сергиевом Посаде (где и умер 16 октября 1923 г.). Здесь он создал трактат «Религиозно-философские основы истории», в котором проанализировал историю человечества с религиозной точки зрения, включая последние эсхатологические времена. В этой работе Тихомиров описал развитие мировых религий в истории человечества, включая ислам, взаимную связь и преемственность псевдорелигиозных идей и заблуждений разных времен. На этом фоне Тихомиров доказывал истинность и глубину православного понимания истории.

Печатается по: *Тихомиров Л.А.* Религиозно-философские основы истории. М.: Москва, 1997. С. 291–312.

